

На правах рукописи

АЛИКАЕВА ЛАРИСА СОЛТАНХАМЕТОВНА
НЕМЕЦКИЙ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС
XVIII СТОЛЕТИЯ (КОНЦЕПЦИЯ Й.Г. ГАМАННА)

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

НАЛЬЧИК 2009

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова»

Научный руководитель:

доктор филологических наук профессор
РАДЧЕНКО ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор
БАЖЕНОВА ИРИНА СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук профессор
КУСОВА РАИСА ИБРАГИМОВНА

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет»

Защита состоится 24 декабря 2009 года в 9.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.076.05 по защите докторских и кандидатских диссертаций по филологическим наукам при ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173).

Автореферат разослан 12 ноября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Щербань Г.Е.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000623827

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено реконструкции лингвофилософского дискурса в Германии XVIII столетия, осуществляемой путем метакритического анализа научного наследия выдающегося немецкого мыслителя Иоганна Георга Гаманна (1730-1788).

Творчество Гаманна неоднократно являлось предметом исследования зарубежных лингвистов, философов, теологов с конца XVIII в. до наших дней. В двадцать первом веке основными сюжетами о Гаманне стали, к примеру, уточнение роли Гаманна в становлении немецкой литературы [Karthaus 2000, Hurlbusch 2001, Knoll 2001, Kocziszy 2001, Kemper 2002, Graubner 2003, Irmscher 2005, Joachimsthaler 2005, Meier 2005, Miyatani 2005, Patri 2005, Thouard 2005], в особенности, – анализ его поэтических произведений [Kohnen 2000], рассуждения об отношении природы и свободы в метакритике Гаманна [Achermann 2004], семиотические аспекты его философии языка [Achermann 2003, Ackermann 2005, Kreuzer 2004], его взгляды на эстетику [Simonis 2002, Rupprechter 2005], магическую функцию языка [Undusk 2005], критика Гаманном современности и ее проекции в науку наших дней [Moustakas 2002, Villers 2002, Strässle 2004, Locker 2005, Kocziszy 2003, Lüpke 2005], критика Гаманном трудов Канта [Bayer 2002, 2005, Bayer et al. 2002, Hoffmann 2003, Arnold 2005], интерпретация Гаманна с современных лингвофилософских позиций [Bayer 2000, Kocziszy 2001, Lüpke 2004, Joergensen 2005, Lüpke 2005, Pataky 2005, Simon 2005, Skar 2005, Bayer 2007, Stünkel 2007], роль различных философских систем в формировании взглядов Гаманна, к примеру, – работ Спинозы [Bayer 2002, Laueremann 2003], Юма [Brose 2006], Свифта [Knoll 2002], Вико [Marienberg 2005, Marienberg 2006] и Гердера [Berlin 2000], влияние Гаманна на С. Кьеркегора [Ringleben 2005, Betz 2007], Э. Юнгера [Gajek 2003], И.В. фон Гёте [Hansen 2001], И. Лафатера [Kocziszy 2002], Э. Розеншток-Хюсси [Büchsel 2000], Ф. Шиллера [Dahlstrom 2000], Я. Гримма и Ф. Шеллинга [Vonessen 2000], его рецепция в ГДР [Rudolph 2005], параллели с Гердером и Гумбольдтом [Treinowska-Supranowicz 2000], Виттгенштейном [Locker 2003], Фрейдом и Лаканом [Poncet 2005], Ж. Деррида и П. де Маном [Schumacher 2000, Schumacher 2005], М. Лютером [Stünkel 2004, Seils 2005], Ж.Ф. Лиотаром [Simon 2002], рецепцией Каббалы в XVIII столетии [Sinn 2004], М. Хайдеггером [Stünkel 2004a, Stünkel 2005], исследование некоторых концептов и мотивов в творчестве Гаманна – насилие [Deupmann 2005], зло [Dickson 2005], страсть [Kleffmann 2005], тело [Kocziszy 2005], возможность описания (Darstellbarkeit) [Frey 2003], история [Kindermann 2004], сочувствие, снисхождение и предчувствие [Takahashi 2005], отношения Гаманна с известными личностями его времени – Й.Г. Мепком [Fechner 2003], Ф.Л. Штольбергом [Fechner 2002], Фридрихом Великим [Jorgensen 2000], М. Мендельсоном [Majetschak 2005], анализ новых находок из его научного наследия [Gajek 2000, Kany 2001, Fechner 2001, 2005, Knoll 2005], пе-

реводов его работ [Mäkelä 2005], корни его христианских убеждений и теологической позиции [Hempelmann 2000, Graubner 2002, Levy 2005, Graubner 2003, Locker 2003a, Müller 2003, Fischer 2005, Lindner 2005].

В отечественной науке к творчеству Гаманна обращались В.А. Кожевников [Кожевников 1897], В.Н. Брюшинкин [Bryuschinkin 1992], О.А. Радченко [Радченко 1997], В.Х. Гильманов [Гильманов 1996, 2003, 2004]), издавший, в том числе, переводы некоторых работ Гаманна на русский язык [Гильманов 1999, 2000б, 2005б], а также А.Н. Макаров [Макаров 2004].

Тем не менее, личность Й.Г. Гаманна, сложность и неоднозначность интерпретации его идей, обширная палитра взглядов на самые разные обстоятельства жизни человека и влияния языка на все сферы человеческой духовности обуславливают непрекращающийся интерес к нему в философии языка нового тысячелетия и требуют продолжения научного поиска в этой области, существенной для лингвоисториографии, философии и теории языка.

Актуальность исследования объясняется тем, что:

- современные направления лингвофилософских исследований, такие, как лингвистическая гендерология, теолингвистика, философия языка и др., обращаются к метакритической методологии, предложенной Й.Г. Гаманном;
- лингвофилософская концепция Й.Г. Гаманна не нашла своего полного отражения в отечественных работах, посвященных истории философии языка;
- роль личности Й.Г. Гаманна в развитии европейской философии языка и в особенности в становлении ее идиоэтнического варианта практически не освещена в отечественной лингвоисториографии;
- исследование интеллектуального дискурса прошедших столетий, а также религиозного дискурса как нового объекта лингвистического анализа, в изучение которого внес большой вклад Й.Г. Гаманн, восполняет наши представления об исторических этапах становления национальных дискурсов.

Научная новизна состоит в:

- применении актуального ныне нарративного лингвоисториографического подхода к изучению научного наследия одного из важнейших представителей германской философии языка, что предусматривает рассмотрение лингвистической концепции в тесной связи с личностью ученого – его биографией, историческим фоном и научным окружением, строго хронологический анализ научного наследия, восстановление «библиотеки автора»;
- всестороннем освещении концепции и работ Й.Г. Гаманна;
- выявлении роли Й.Г. Гаманна в европейской лингвофилософской традиции;
- изучении и всестороннем освещении особенностей интеллектуального (в частности, (научного) дискурса в Восточной Пруссии второй половины XVIII в. в национальном, политическом и региональном контекстах как фактора, оказавшего существенное влияние на формирование концепции Й.Г. Гаманна;

– всестороннем изучении и освещении важного этапа в истории германской и европейской философии языка конца XVIII в.

Объектом исследования является лингвофилософский дискурс в Германии XVIII столетия, который рассматривается нами как разновидность интеллектуального дискурса, совокупности способов (коммуникативных стратегий, средств, приемов) научной и общественно-политической аргументации в значимых для данной эпохи дискуссиях.

В качестве *предмета исследования* взяты философские, эстетические и лингвистические воззрения Й.Г. Гаманна как особый метакритический дискурс, представленный в публикациях и переписке выдающегося немецкого мыслителя.

Цель данного диссертационного исследования – представить личность Й.Г. Гаманна как литератора, философа и лингвиста в историческом контексте, дать анализ концепции языка Й.Г. Гаманна в философско-исторической перспективе, наиболее полно осветить вклад Гаманна в становление европейской философии языка XIX–XXI вв.

Задачи, определяемые этими целями, можно сформулировать следующим образом:

- выявление истоков и научно-исторического контекста формирования концепции Й.Г. Гаманна;
- осуществление метакритического анализа корпуса научных публикаций, посвященных творчеству Гаманна;
- всестороннее исследование литературного творчества, литературоведческих, теологических, педагогических и лингвофилософских работ Й.Г. Гаманна;
- исследование и анализ значимых для Гаманна лингвофилософских размышлений, оказавших влияние на его взгляды;
- выявление основных особенностей и положений лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна;
- составление «портрета ученого» на основе принципов нарративной историографии.

Теоретическая значимость работы заключается в создании такого описания концепции Й.Г. Гаманна, которое позволило бы осветить условия формирования его личности как крупного философа языка, литератора, литературного критика и осуществить обстоятельный анализ его исследований.

Практическая значимость состоит в возможности использования результатов этой диссертации в вузовских курсах общего языкознания, истории языкознания, спецкурсах по гендерной лингвистике, теолингвистике, дискурсивной лингвистике, истории литературы, научных исследованиях, посвященных философии языка и истории лингвистических учений, для написания дипломных и курсовых работ по отдельным их аспектам.

Задачи, поставленные в данной работе, определили и выбор *методов исследования* в рамках нарративного подхода:

– хронологический анализ литературных, литературоведческих и лингвокритических произведений Й.Г. Гаманна с целью выявления и детального изучения личностного, исторического и научного контекстов формирования его концепции языка;

– исследование и анализ работ современников Й.Г. Гаманна, с которыми его связывали личные и научные отношения;

– изучение рецензий современников Й.Г. Гаманна на его работы;

– привлечение и контент-анализ всех научных работ и переписки Й.Г. Гаманна, значимых для освещения основных направлений его научной и литературной деятельности;

– метод реконструкции понятийного аппарата Й.Г. Гаманна; метакритический анализ работ, посвященных творчеству Й.Г. Гаманна и его лингвофилософской концепции.

Теоретической базой послужили отдельные теоретические положения, представленные в трудах специалистов в области лингвоисториографии и философии языка (Й.Л. Вайсгерберга, О.А. Радченко, С.Л. Фурмановой), истории и теории интерпретации научного текста (Р.С. Аликаева, Н.Д. Арутюновой, К. Бринкера, Т. ван Дейка, Т.М. Дридзе, О.Л. Каменской, В. Хайнеманна, Р. Якобсона), дискурс-анализа (В. Брандхауэра, Г.Брауна, Ф. Бурхардта, В.И. Карасика, Й. Коппершмидта, Х. Куссе, Х. Хенне и др).

Материалом исследования послужили теоретические положения, представленные в работах Й.Г. Гаманна, рецензии его современников, работы по философии и истории философии языка отечественных и зарубежных ученых (19 работ на русском и 779 работ на немецком и английском языках). В качестве дополнительного материала привлекались документы и фотографии ученого и его окружения, размещенные на сайтах Интернет.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Исследование лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна требует привлечения нарративного подхода, предусматривающего работу по формуле: личность ученого в историческом контексте ⇒ лингвистическая концепция ⇒ направления в философии языка и современной лингвистике, работа которых базируется на этой концепции.

2. Философия языка Й.Г. Гаманна – составная часть и развитие интеллектуального дискурса, сложившегося в Германии XVIII века и отражавшего борьбу рационализма и его критиков в литературе, философии, публицистике, педагогике.

3. Лингвофилософская концепция Гаманна может быть раскрыта и оценена в достаточной степени объективно лишь с привлечением его религиозных, культурно-исторических, эстетических, литературно-критических воззрений.

4. Гаманна можно считать создателем нового для XVIII столетия типа дискурсивной личности и метакритического интеллектуального дискурса.

5. Й.Г. Гаманн является одним из идеологов идиозтнической философии языка, философом, оказавшим решающее влияние на формирование теоретических систем Й.Г. Гердера, В. фон Гумбольдта, неогумбольдтианцев.

6. Взгляды Й.Г. Гаманна на сущность языка заключаются в следующем:

– Язык является выражением духовного состояния народа и его истории. Основные черты языка конкретного этноса корреспондируют с направлением его образа мышления, проявляющегося в природе, форме, законах и обычаях его речи.

– Отношение языка и мышления, языка и разума основаны на генеалогическом приоритете языка перед рациональным познанием. Язык есть главная гносеологическая среда и главный источник заблуждений.

– Язык – таинственный мост между божественным и бесконечно далеким от него человеческим, посредник между созерцанием и понятием, звуком и мыслью, субъектом и внешним миром, между индивидуальным и совокупным духом.

– Проблема взаимовлияния языка и разума является для Гаманна отражением фундаментальной особенности человеческого познания: связи и отношения между способностью нашей души к познанию (*Erkenntnisvermögen*) и способности тела к выражению (*Bezeichnungsvermögen*).

– Язык не только средство сообщать наши мысли, но и средство понимать мысли других, что фиксирует важность и сложность интерпретации мыслей другого человека, которая, в силу критического характера всей философии Гаманна, не может не быть фрагментарной.

7. Создание собственной теоретической системы осуществляется введенным Гаманном методом метакритического комментирования. Исследование подобного рода обязательно носит междисциплинарный характер, включает данные языкового анализа, опирается на принципы интерпретации научного текста, учитывает особенности исторического и социального контекстов данного вида дискурса. В результате проведенного анализа становятся очевидными внутренние, скрытые механизмы влияния метакритического дискурса на формирование общей интеллектуальной атмосферы эпохи.

Апробация работы. Основные положения и результаты работы прошли апробацию на семинарах по истории языкознания и теории языка на 3-5 курсах отделения немецкого языка Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета и по философии языка для аспирантов филологических специальностей КБГУ, были доложены в докладах на Научной сессии Института иностранных языков ГОУ ВПО «МГПУ», на II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы современного языкознания» (30 сентября 2008 г., г. Астрахань), на 5-м съезде Российского союза германистов (22-24 ноября 2007, г. Москва),

а также были изложены в двух монографических исследованиях (Язык и литература в лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна. – Нальчик, 2009 (3.25 п.л.), К истокам лингвофилософии Й.Г. Гаманна. – Нальчик, 2009 (3.25 п.л.) и в двух статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК для публикации результатов кандидатских диссертаций.

Структура и объем работы. Реферируемое диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии. Общий объем работы – 249 страниц машинописного текста. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, выводов по главам и заключения. Содержание работы изложено на 166 страницах машинописного текста. К основному тексту прилагается библиографический список и перечень источников анализируемых материалов, включающие 835 наименований, в том числе 808 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект и предмет исследования, обосновываются актуальность и научная новизна работы, формулируются основная цель исследования и его конкретные задачи, определяются основные методы исследования, выдвигаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов исследования, а также указываются области их возможного применения.

В **главе 1 «Й.Г. Гаманн в современной лингвисториографии»** излагаются теоретические предпосылки исследования, вводятся используемые в работе понятия и термины, дается обзор различных подходов и точек зрения на философию языка Й.Г. Гаманна, процесс его становления как ученого.

В качестве теоретической рамки рассуждений в этой главе выступает нарративная историография – сравнительно новое направление в отечественной истории лингвистических учений, развивающее принципы нового объективизма в описании лингвистических концепций прошлого [Радченко 2000]. Следуя этим принципам, исследователь изучает исторический, научный, личностный контексты того или иного события в истории лингвистики, проводит метакритический анализ существующей традиции в оценке данной концепции, верифицирует результаты исследования с опорой на хронологический анализ всех работ, значимых для данного направления в теории языка. В этой связи исследователем-нарративистом освещаются основы соответствующей концепции, выявляется и проясняется ее терминологический аппарат, раскрываются принципы изучения и описания языка в трудах представителей данного направления, что создает почву для воссоздания *тезогенеза*,

процесса складывания уникальной системы авторских концептов. Личность и деятельность Й.Г. Гаманна рассматриваются в этой связи как проявления особого типажа научного мыслителя, близкого к типу венского «городского оригинала» XVII века. В работе в мельчайших деталях воссоздается личностный портрет лингвиста на широком фоне эпохи, общественно-политических событий, помещаемый в центр портретной галереи выдающихся личностей его времени и освещающий многообразие отношений между ними.

Все это позволяет в результате воссоздать особенности «интеллектуального дискурса» как пересечения социальных, культурных и гносеологических процессов. Интеллектуальный дискурс возникает в результате повышенного внимания общества к каким-либо значимым, определяющим его интеллектуальное бытие проблемам и характеризуется высокой «плотностью» ярких личностей, вступающих друг с другом в научную, насыщенную образностью, глубокой аргументацией, пронизанную присущим им интеллектом полемику. Лингвофилософский дискурс представляет собой одну из ярких разновидностей интеллектуального дискурса эпохи. Каркасом этого дискурса служит специфический интеллектуальный фрейм (*circumstantia*), определяющий не только научные пристрастия конкретного ученого (в данном случае – Й.Г. Гаманна), но и стиль его аргументации, выбор литературных источников и в целом – образ мысли и специфику личности.

В результате анализа био- и библиографической, критической и метакритической литературы, посвященной личности и творчеству Гаманна, в его интеллектуальном дискурсе выделены:

- основное «место действия» (*scaena*): Кенигсберг, а также несколько фрагментарных мест действия (Митава, Рига, Варшава, Лондон, Берлин и др.);
- «время действия» (*aetas*): вторая половина XVIII века, период распространения идей Просвещения в Восточной Пруссии и Германии в целом, борьбы французского и национального немецкого вариантов Просвещения;
- личность «оригинала эпохи» (*spiritus*): Иоганн Георг Гаманн (1730–1788), выдающийся мыслитель, философ, литератор, теолог, критик и лингвист, представляющий собой особый, новый даже для «века гениев» тип мыслителя-аутсайдера, обладавшего особой притягательностью и оказывавшего огромное влияние на научные и литературные дискуссии своего времени; эта личность рассматривается в контексте формирования и научного, и литературного творчества плеяды талантов второй половины XVIII столетия, живших в Кенигсберге (И. Канта, Й.Г. Линднера, И.Г. Шеффнера, Т.Г. Хиппеля, И.Г. Гердера) или соприкасавшихся с Гаманном (К.Ф. Николаи, М. Мендельсона, М. Клаудиуса, И.К. Лафатера, Ф.Г. Якоби, Ф. фон Фюрстемберга, А. Голицыной,

К. Кауфманна, И.Г. Зильцера), в связи с жизнью и деятельностью друзей Гаманна (Г.Э. Линднера, И.К. Беренса и его братьев, Ф.К. Буххольца), а также в связи с историей своей семьи, детально восстанавливаемой в диссертации;

– модные веяния времени в литературе, философии, культуре в целом (mos): распространение идей энциклопедистов, победное шествие рациональной картины мира, влияние «просвещенного» абсолютизма (в особенности в период правления прусского короля Фридриха Второго), распространение моды на французский стиль жизни и рассуждения (сказавшиеся на переводах, литературных журналах и т.п.), влияние эссеистики М. Монтеня, возникновение интеллектуальных салонов и расцвет светской интеллектуальности вообще, распространение масонских лож в Германии, превалирование *ratio* над верой; эти тенденции повлияли на образ жизни и мысли молодежи в Германии. В этой связи можно говорить о формировании немецкого интеллектуального дискурса, имевшего свои отличительные черты, по сравнению с французским «оригиналом», прежде всего связанные с влиянием протестантизма и особенно пиетизма;

– ключевое отношение эпохи: «приязнь» (*compassio*) как характерное, в том числе и для Гаманна, стремление обзаводиться друзьями-единомышленниками, вести с ними обстоятельную учёную переписку, подробно информировать их о своем чтении и впечатлениях от книжных новинок;

– интеллектуальные скрипты эпохи (*actus*): «критическая муза» и публицистическая деятельность, стремление к ученым путешествиям (как правило в качестве компаньонов благородных особ), желание вести педагогическую деятельность в качестве гувернеров в благородных семействах с использованием этого статуса для собственного самообразования, поэтическое творчество, подражание французским «легким» романам.

В этом интеллектуальном фрейме происходило формирование личности Й.Г. Гаманна как совершенно особенного типажа интеллектуала-аутсайдера, выступавшего как остроумный противник духовных течений эпохи, не занимавшего никаких должностей в университетской среде, выделявшегося среди своих современников особым литературным стилем и оказывавшего своими критическими статьями и небольшими памфлетами серьезное влияние на интеллектуальную атмосферу не только Восточной Пруссии, но и всей Германии того времени. Й.Г. Гаманн может считаться первым воистину интеллектуальным «оригиналом» своей эпохи среди литераторов и философов. Его биография обнаруживает особую позицию Гаманна практически по всем характерным для его времени проблемам, составляющим каркас интеллектуального дискурса XVIII века в Германии.

Глава 2 «Основы религиозных и общекультурных воззрений Й.Г. Гаманна как предпосылки его философии языка» освещает систему взглядов «Северного волхва» Й.Г. Гаманна как чрезвычайно оригинального и парадоксального мыслителя, которого считают также одним из предшественников немецкого идеализма в философии и литературного движения «Бури и натиска». В его творчестве принято выделить три периода активной литературной деятельности: 1759-1763, 1772-1776 и 1779-1784 годы. Из-под его пера выходили в основном небольшие публикации, вызванные, как правило, особенными поводами, являвшиеся публикациями по случаю, полными ссылок на конкретных персон и конкретные места, связей с сиюмоментными явлениями и переживаниями.

В числе основных областей интересов Гаманна следует отметить язык, познание и самопознание, природу человеческой личности, сексуальность, отношение человечества к Богу. Поводом для размышлений на ту или иную тему для Гаманна часто становились публикации современников, на которые он давал едкие, иной раз пародийные рецензии. В них он обыгрывал терминологию и сам стиль изложения рецензируемого автора и насыщал их тонкими аллюзиями, намеками, риторическими фигурами. Свои работы Гаманн нередко подписывал разнообразными, весьма вычурными псевдонимами – Сократ, Аристобул, Провинциал, Швабский священник, Абельяр Вирбий, Рыцарь Розенкрейцер, Адельгунда, Сивилла, Северный Волхв, Экс-Мандарин Мьен-Ма-Гоам и др. Эти псевдонимы позволяли ему, очевидно, еще более успешно пародировать аргументы своих оппонентов и доводить их до нужного Гаманну абсурда. Кроме того, по мнению Розенкранца, тем самым Гаманн пытался соответствовать вкусам и моде той эпохи, в которой тайны, секретные ордена, Калиостро и Сведеборг, месмеризм были объектом крайнего интереса. Он и своим знакомым, и друзьям дает соответствующие прозвища: Катарина Беренс – его Аспазия, Гердер – его Декан (намек на Свифта), Лафатер – его Иоанн, Якоби – его Ионафан, Буххольц – его Алкивиад. В заголовках его трудов мелькают самые разные сюжетные параллели, взятые им из античной классики, иудаистской литературы, сказаний, либо придуманные им (например, письмо к ведьме Кадмобор).

Строгое хронологическое исследование научного наследия Гаманна не оставляет места для спекуляций относительно «неясности» его трудов, за исключением тех фрагментов, смысл которых затемняют потери ситуативного контекста. Для понимания трудов исключительной личности необходимо, по мысли самого Гаманна, обладать некими ключами декодирования. Гаманн

лишь в переписке выстраивал «мосты и паромы» для своих текстов. Повторя тезис о Боге, ставшем писателем, и говоря о Сократе как о лишенном писательского таланта, Гаманн подчеркивает, что сложность понимания сопровождается исключительную личность всегда.

Характерными чертами стиля Гаманна являются аналогии, образы и аллюзии (на основе Святого Писания и античных текстов), эпитафии на латини, древнегреческом и древнееврейском языках, использование цитат и стихотворений античных авторов. Гаманном впервые был использован термин «эпитафия» (Motto). Не давая часто ссылок на источник и не переводя свои эпитафии, Гаманн предполагает достаточно высокий уровень образованности у читателя, ибо эпитафия превращается им в «тест на образованность». Среди особенностей этого стиля можно отметить также использование типичных, знаковых символов: «шелковое платье», которое муза дарует старому философу; «передник из фиговых листьев» (Schürze aus Feigenblättern), которыми философ укрывает свои недостатки, и др.

Стиль своих работ – «прыжки саранчи» – Гаманн считает предпочтительным перед строгой логикой Канта: используя различные приемы, он побуждает читателя думать дальше, извлекать больше из текста, выстраивая свою «метакритическую парадигму». Гаманна следует считать создателем самого термина «метакритика», который отражает весь стиль его размышлений с опорой на мнение оппонента. Метакритика Гаманна сочетала основательную герменевтическую критику (в частности, рационалистических позиций Просвещения) с самокритикой. Большинство его работ было реакцией на вышедшие сочинения других авторов, и в этом Гаманн видит миссию и сущность «метакритической музыки».

Для понимания полемики, которую ведет Гаманн со сторонниками Просвещения, крайне существенна дихотомия «человека во Христе» и «естественного человека» (просвещенца). Только религия способна, по мысли Гаманна, раскрыть человеку ценность его души, причину и бесконечность того счастья, которое ожидает его по ту сторону бытия; она открывает христианину его истинную родину.

«Христианство является собственно предметом большинства работ Гаманна и составляет основу подтекста остальных. Можно считать эту особенность генеральной чертой всего научного наследия Гаманна. Гаманн читает Библию не для того, чтобы слепо уверовать во все, что там изложено, но как историческое произведение, автором которого является Господь. Смысл написания Ветхого Завета, по мнению Гаманна, – это желание Господа открыться человеку через самого человека, сделать это открытие полезным для людей, привлечь их к нему, распространять и сохранять его среди них. При

этом естественные науки и история рассматриваются им как два явления, на которых основана истинная религия. Господь – автор как собственно истории человечества, так и книги о ней (Библии), и тем самым он подвержен, как и любой автор, нападкам интерпретаторов и критиков.

Гаманн отправляется в мыслительное путешествие по этому древнему откровению Господа, читая его как историю мира. Он обращает внимание на сложность вербализации того, что осуществил Господь. Значение понимания Слова Божия подчеркивается Гаманном в его противопоставлении «естественной религии» и «религии явленной» (*geoffenbarte Religion*). Противоречие разума и веры, науки и религии является одним из лейтмотивов творчества Гаманна.

Гаманн неоднократно защищает Святое Писание от попыток его «критической интерпретации» со стороны просвещенцев. Писание представляет собой основу интерпретации всех последующих произведений, теорий и систем, включая взгляды самих сторонников Просвещения. Гаманн неоднократно обращается к снисхождению Господа (*Herunterlassung*) к слабостям человека.

Гаманн постоянно упоминает свободу как собственный предикат в полемике с просвещенцами, поскольку полагает, что поклоняющиеся идолу «чистого разума» не могут быть свободны духовно, в то время как он располагает такой свободой, приближающей его как образ и подобие к Создателю. Человек наделен божественным началом, и только он способен быть творцом, хранителем и приумножителем своего рода, делать это согласно «обдуманному и добровольному решению». Свобода слова, одна из наиболее важных тем в творчестве Гаманна, полагается в его свободный век просвещенных философов только тем, кто разделяет их воззрения. Гаманн противопоставляет несвободу разума свободе духа, жесткое ложе рационализма – полету истинно верующей души.

Согласно Гаманну, человеческая жизнь состоит из символических действий, в ходе которых душа обнаруживает свою незримую натуру и создает основу для созерцательного познания ее действительного бытия.

Философские работы Гаманна представляют собой во многом описание собственных сложных отношений Гаманна и современного ему читателя-просвещенца. Фигура философа – не только интеллектуальный, жаждущий своего декодирования автор, это и герой, противостоящий заблуждениям своей эпохи. Гаманн призывает искать истоки силы философа в его предназначении, биографии, личности философа и его повседневных привычках.

Описывая Сократа как прототипического для него самого философа, Гаманн переносит и ситуацию в Афинах в целом на современную ему фило-

софскую сцену, противостояние Сократа и афинян приобретает для него программный характер: очевидно стремление Гаманна подчеркнуть важность сомнения в знании и истине, то есть того качества научного творчества, которое в своем последовательном выражении привело бы (и впоследствии привело) к появлению критики языка как направления философии XIX–XXI вв. Очевидно желание Гаманна описать Сократа как антипода сторонников Просвещения, опирающихся на разум как заведомо данный источник мудрости и присвоивших Сократа в стремлении принизить значение религии.

Наиболее важными для конфликта Гаманна и философии Просвещения являются критические публикации о трудах И. Канта. «Очищение философии» Кантом представляется Гаманну неудачным, как и желание Канта сделать разум независимым от всякой традиции и веры в него, и далее – от опыта и его «ежедневной индукции», т.е. в конечном итоге – от языка. Гаманн настаивает на слиянии категорий чувственного восприятия и рационального познания, свою критику обращает против игнорирования Кантом языка и зависимости от него мышления.

Гаманн проявляет в публикациях большой интерес к педагогическому труду, отмечая, к примеру, что чувственное внимание и интерес к предмету могут быть усилены при помощи школьной драмы. Для работы с детьми следует, по мнению Гаманна, быть способным на добровольное отречение от всякого превосходства в возрасте и мудрости, от всяческого тщеславия. В этой связи Гаманн не считает Канта способным к тому, чтобы стать автором учебника по физике для детей.

Не будучи профессиональным лингвистом, Гаманн тем не менее успешно оперирует социолингвистическими категориями, обнаруживает знакомство с тенденциями, характерными для развития международных языков, проблемами социальной стратификации языка, влиянием социолектов и профессиональных языков, которое он обнаруживает в манере изложения событий в Новом Завете.

Освещение религиозных мотивов в творчестве Гаманна позволяет создать необходимую основу для последующего рассмотрения собственно лингвистических и лингвофилософских позиций, которые он занимал.

Глава 3 «Философия языка в творчестве Й.Г. Гаманна» выявляет и систематизирует основные лингвофилософские позиции Гаманна.

Язык для Гаманна — выражение «состояния народа», существующих обстоятельств [Hamann Schriften 1967, 17]; «единственный первый и последний органон и критерий разума» [Hamann 1784, 222]. Для Гаманна существуют такие «отношение и связь между способностью нашей души к позна-

нию и способностью ее тела (то есть языка) к обозначению», которые позволяют полагать, что «должны существовать сходства между всеми человеческими языками, которые основываются на гомоморфности нашей природы, и сходства, кои необходимы в малых сферах общества» [Hamann 1760, 89-90]. Однако Гаманн ограничивает сферу действительности этнического фактора в языковом познании: «Если наши представления ориентируются на точку зрения души, а эта точка зрения, по мнению многих, определяется состоянием тела, то можно то же самое предположить относительно тела всего народа. Основные черты его языка будут корреспондировать, таким образом, с направлением его образа мышления (*Denkungsart*); и всякий народ обнаруживает таковой посредством природы, формы, законов и обычаев его речи, а также своего внешнего образования и ристалища общественных поступков... Из этого направления образа мышления возникает сравнительное богатство в одних и параллельно идущая с ним бедность в других нишах того же самого языка, все из такого неравноценного состояния проистекающие явления, кои причисляются то к совершенствам, то к несовершенствам; ощущаемое в уникалиях своеобразие, и все то, что понимают под гением конкретного языка» [Hamann 1760, 90-91]. Этот «гений языка» не сводим, по Гаманну, ни к грамматике, ни к красноречию. При этом «модные истины, предрассудки наблюдения и рассмотрения, циркулирующие в одном народе, составляют одновременно искусственный и случайный образ мышления этого народа и оказывают особенное влияние на его язык» [Hamann 1760, 92].

Сущность языка Гаманн определяет следующим образом: «Область языка простирается от чтения по буквам вплоть до шедевров поэзии и тончайшей философии, вкуса и критики; и характер языка определяет частью выбор слов, частью же – формирование выражений речи. Поскольку понятие о том, что подразумевают под языком, столь многозначно; то его лучше всего следовало бы определить по его умыслу – как средство сообщать наши мысли и понимать мысли других. Отношение языка к этому двойному умыслу было бы тем главным учением, из коего можно было бы как объяснить явления взаимовлияния мнений и языка, так и предсказать это взаимовлияние» [Hamann 1760, 93]. В качестве примера этого взаимовлияния Гаманн приводит следующее: «Тот, кто пишет на чужом языке, тот обязан знать, как, подобно любовнику, лучше всего угодить образу мышления этого языка (Всякий язык требует образа мышления и вкуса, кои только ему и присущи...). Тот, кто пишет на своем родном языке, обладает домашним правом супруга, ежели он умеет им пользоваться» [Hamann 1760, 94]. Вместе с тем понимание языка прежде всего как средства обмена мыслями дало повод Гаманну сравнить язык с деньгами, так что теория одного объясняет тео-

рию другого [Hamann 1761, 97], и гносеологическое предназначение языка объясняется им исходя из этого: «Богатство всякого человеческого познания основано на обмене словами» [Hamann 1761, 97].

Отношение языка и мышления, языка и разума представляется Гаманну по этой причине главным вопросом: «Как становится возможной способность мыслить? – Способность мыслить справа и слева от опыта, до и без него, с ним и помимо него?» На этот вопрос он отвечает: «Не требуется никакой дедукции, чтобы обосновать генеалогический приоритет языка перед семью священными функциями логических теорем и выводов и их геральдикой. Не только вся способность мыслить основана на языке..., но язык есть также средоточие непонимания разумом самого себя» [Hamann 1784, 224]. Язык как главная гносеологическая среда и главный источник заблуждений – из того источника взяли свое начало как лингвоцентризм неогумбольдтианцев Й.Л. Вайсгербера [Радченко 1997], так и позднейший лингвокритицизм Ф. Маутнера [Фурманова 2006].

Философские воззрения Гаманна следует рассматривать на фоне его религиозно-символического воззрения на язык. Понимание языка как таинственного моста между божественным и бесконечно далеким от него человеческим можно считать лейтмотивом рассуждений Гаманна. Господь общается с человеком великими символами природы, истории, человек же выражает свою чувственную жизнь символами языка. Язык представляется Гаманну как *communicatio idiomatum* духовного и материального, как посредник между созерцанием и понятием, звуком и мыслью, субъектом и внешним миром, между индивидуальным и совокупным духом. Религиозный контекст, в котором Гаманн рассуждает о языке, приводит его к пониманию языка как статичного, подчиненного феномена.

Проблема взаимовлияния языка и разума является для Гаманна отражением фундаментальной особенности человеческого познания: связи и отношения между способностью нашей души к познанию (*Erkenntnisvermögen*) и способности тела к выражению (*Bezeichnungsvermögen*). Гаманн впервые акцентирует внимание философии языка на том факте, что «сходства» между языками затмевают различия между ними; сходства, необходимые в малых сферах общества, на самом деле фиксируют границы внутри одного языка, существующие между различными группами и определяющиеся их жаргонами и другими субъязыками.

Гаманн проводит параллели между душевным настроением и отличительными чертами языка, которые корреспондируют с направлением образа мыслей конкретного народа. Гаманн устанавливает тем самым излишне прямолинейную взаимосвязь между языком и этническим характером, полагая, что у любого проявления этноса есть некий общий источник. Этот источник – направление образа

мышления (*Richtung der Denkungsart*) – объясняет, по мнению Гаманна, причину богатства языковых средств в одной сфере и бедности в других в рамках одного и того же языка. Особенности конкретного языка он суммирует термином «гений конкретного языка» (*Genius einer Sprache*), выступающим как его «натура» (*Naturell*), и не причисляет к этой натуре грамматику и красноречие, отмечая их искусственный характер и зависимость от конкретного автора.

К числу факторов, формирующих своеобразие языка, Гаманн относит модные предрассудки определенных эпох, к примеру, модную в Германии его времени внешнюю важность математической учености и репутацию французских и английских писателей, с которыми связаны определенные языковые тенденции. Это позволяет Гаманну фиксировать различия между двумя образами мышления, присущими народам: «неподвижным» и «подвижным».

Язык выступает в концепции Гаманна не только как средство сообщать наши мысли, но и как средство понимать мысли других, что фиксирует важность и сложность интерпретации мыслей другого человека, которая, в силу критического характера всей философии Гаманна, не может не быть фрагментарной. Позиция Гаманна относительно степени зависимости языка от человека позволяет ему выделить «самостоятельно мыслящего человека», который, естественно, будет «осуществлять вмешательство (*Eingriffe*) в язык», и «автора, живущего за счет общества», который смиряется с предписанными ему словами.

В процессе сопоставления особенностей языков Гаманн отдает пальму первенства своему родному, немецкому языку. Гаманн совершенно точно описывает то, что лишь в двадцатом веке назовут тема-рематическим членением предложения, и отмечает, что инверсия «подчинена суждению разума и слуха». Большая гибкость немецкого синтаксиса объясняется Гаманном «свойствами грамматической этимологии», морфологической подвижностью частей речи (прежде всего, имен существительных и глаголов). Гаманна подчеркивает предпочтительность синтетизма, его большую пространственно-структурную гибкость и подвижность и тем самым большую пригодность для выражения самых разнообразных логических и эмоциональных нюансов. Идеи Гаманна о границе между этими классами слов проявились позднее в учении А. Марти (1847-1914) о аутосемантиках и синсемантиках.

Основное противоречие, устанавливаемое Гаманном в работах о языке, заключается в отношениях между «чистотой языка» (*Reinigkeit*) и его богатством; стремление к «связанной правильности» приводит к потере языком своей силы и «мужественности» (*Mannheit*). Гаманн рассматривает язык как живой организм, сочетающий в себе логичное и алогичное, чувственное и

рациональное. Он отстаивает этот статус языка, не подлежащий диктату рационалистов от философии. Анализ просвещенческих орфографических проектов он использует как трибуну для обличения «просвещенного столетия» и его адептов как мыслителей, лишенных логики и наделенных, вместо этого, непомерным самомнением и тщеславием. Их свобода, стремящаяся непременно всему неопределенному придать некую определенность, а все ненужное и излишнее – отсечь, вырождается в механизм.

Гаманн отстаивает важность и приоритет поэзии, которые обоснованы приоритетом образности в мышлении древнего человека. Древняя поэзия наделяется Гаманном всеми атрибутами природы по аналогии с первым питанием (растительным), первым напитком (вином) и первой одеждой человека («рапсодией из фиговых листков»). Все описанные атрибуты речи, ее взаимосвязь с Промыслом творца объясняют, почему «говорить есть переводить с языка ангельского на язык человеческий», где язык ангельский, вышний – мыслительный, а язык человеческий – словесный.

В то же время Гаманн проводит параллель между эпическим искусством и сотворением мира (поскольку оно произошло посредством слова) и между драматическим искусством и сотворением человека (произошедшим посредством дела). Однако эти параллели нуждаются в новом поэтическом пере, а новейшие литераторы не понимают ее роли как масштаба эстетики. Основной вред заключается в навязывании философствующими поэтами стоицизма, который и есть отказ от природы, от чувств и страстей, посредством коих она воздействует на человека. По мнению Гаманна, стихотворения поэта, родившегося в данном народе, формируются по привычному для него с детства масштабу народной музыки.

Суть новой эстетики Гаманна – в подчеркивании понятия единства, акцентировании незримого присутствия Бога во всем, стремлении осмыслить роль и задачи Творца, его отношение к Творению и человеку, понять глубинный смысл Писания, раскрыть смысл существования человека на частном примере – литературном творчестве. Литературные пассажи и критические экскурсы Гаманна выполняют подчиненную функцию, они подчинены более существенной идее – раскрытию эстетики Писания. В то же время Гаманн критикует односторонность и предвзятость «художественных критиков» к своим работам, дает исчерпывающую характеристику читателя, который наделяется им качествами «волхва».

Гаманн отвергает как причину появления гипотезы божественного происхождения языка неспособность предыдущей традиции объяснить его, исходя из возможностей человеческого разума. Задача Гаманна заключается в защите именно «вышей гипотезы», он отвергает возможность создания

языка на основе человеческого инстинкта или изобретения и, принимая для видимости позицию сторонника изобретения языка путем обучения, иронизирует над ним. Тем самым Гаманн признает тесную взаимосвязь Бога и человека («communicatio божественного и человеческого *idiomatum*»); поскольку языковые инструменты являются подарком природы, а Создатель этих инструментов желал их использования, то и происхождение языка является божественным. Однако любое влияние высшего существа посредством нашего языка не может не осуществляться по аналогии с человеческой природой, т.е. происхождение языка не может быть каким-то иным, кроме человеческого.

В этой теснейшей связи заключается отличие точки зрения Гаманна от мнения сторонников Просвещения, желавших исключить один из компонентов познания (божественный) и придать другому (человеческому) исключительный характер. Одновременно в этом же отличие и точки зрения Гаманна от позиции Гердера, стремившегося «возвысить» божественное начало, ограничив его вклад в человеческую жизнь актом творения тела и души, а развитие собственно духовного в человеке отнести к сфере действия одного только разума. Гаманн настаивает на терминологической паре – откровение (*Offenbarung*), т.е. чувственное восприятие окружающего мира, и передача знания (*Überlieferung*), которую он еще описывает и как человеческие свидетельства. Отношения между этими двумя началами, «внутренним» и «внешним» человеком, телом и душой, отличает «таинство брака», единение.

В **Заключении** подводятся итоги исследования лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна, дальнейшее развитие положения его концепции, формулируется перспектива дальнейших исследований в данной области.

В результате проведенного исследования были выявлены истоки и научно-исторический контекст формирования лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна в рамках интеллектуального дискурса XVIII столетия в Германии, осуществлен метакритический анализ обширного корпуса научных публикаций, посвященных творчеству Гаманна, всестороннее исследованы литературное творчество, литературоведческие, теологические, педагогические и лингвофилософские работы Й.Г. Гаманна.

Был проведен анализ значимых для Гаманна лингвофилософских размышлений, оказавших влияние на его взгляды, прежде всего, принадлежавших перу современников Гаманна. Для этого в диссертации был использован нарративный подход к историографии лингвистики, предполагающий изучение исторического, научного, личностного контекстов тезогенеза, метакритический анализ существующей традиции в оценке данной концепции, верификацию результатов исследования с опорой на хронологический анализ всех работ, значимых для данного направления в теории языка.

Особое внимание в работе уделялось личности и деятельности Й.Г. Гаманна как проявлению особого типажа научного мыслителя, близкого к типу венского «городского оригинала» XVII века. Для раскрытия особенностей такого типажа совершенно оправданно привлечение не только его трудов и сведений о нем, но и релевантного «интеллектуального дискурса», понимаемого как особая духовная атмосфера интеллектуального состязания, которая возникает в результате повышенного внимания общества к каким-либо значимым проблемам и характеризуется высокой «плотностью» ярких личностей, вступающих друг с другом в научную полемику.

Для раскрытия лингвофилософского дискурса как одной из ярких разновидностей интеллектуального дискурса эпохи в диссертации предлагается метод интеллектуального фрейма (*circumstantia*), определявший не только научные пристрастия Й.Г. Гаманна, но и весь стиль его размышлений. Характерными чертами этого стиля являются аналогии, образы и аллюзии (на основе Святого Писания и античных текстов), эпитафии на латыни, древнегреческом и древнееврейском языках, использование цитат и стихотворений античных авторов. Существенной для понимания и интерпретации работ Гаманна оказывается пресуппозиция глубоко мыслящего и всесторонне образованного читателя. Этот стиль изложения и философствования Гаманн считает более предпочтительным, чем строгая логичность размышлений И. Канта.

Гаманна следует считать создателем самого термина «метакритика», который отражает весь стиль его размышлений с опорой на мнение оппонента. Метакритика Гаманна сочетала основательную герменевтическую критику Просвещения с самокритикой автора. Для понимания полемики Гаманн со сторонниками Просвещения крайне важна дихотомия «человека во Христе» и «естественного человека» (просвещенца), поскольку только религия способна, по мысли Гаманна, раскрыть человеку ценность его души, причину и бесконечность того счастья, которое ожидает его по ту сторону бытия. Христианство является собственно предметом большинства работ Гаманна и составляет основу подтекста остальных. Можно считать эту особенность генеральной чертой всего научного наследия Гаманна.

Гаманн постоянно обращается к Святому Писанию как древнему откровению Господа, читая его как историю мира. Он обращает внимание на сложность вербализации того, что осуществил Господь. Противоречие разума и веры, науки и религии является одним из лейтмотивов творчества Гаманна. Одновременно он защищает Святое Писание от попыток его «критической интерпретации» со стороны просвещенцев. Писание представляет собой основу интерпретации всех последующих произведений, теорий и систем, включая взгляды самих сторонников Просвещения. Гаманн неоднократно

но говорит о снисхождении Господа (Herunterlassung) к слабостям человека, о свободе как собственно предикату в полемике с просвещенцами, поскольку полагает, что поклоняющиеся идолу «чистого разума» не могут быть свободны духовно, в то время как он располагает такой свободой, приближающей его как образ и подобие к Создателю.

Философские работы отражают во многом сложные отношения Гаманна и современного ему читателя-просвещенца. Фигура философа – не только интеллектуальный, жаждущий своего декодирования автор, это и герой, противостоящий заблуждениям своей эпохи. Гаманн призывает искать истоки силы философа в его предназначении, биографии, личности философа и его повседневных привычках.

Язык, в интерпретации Гаманна, является выражением духовного состояния народа и его истории, а основные черты языка конкретного этноса корреспондируют с направлением его образа мышления. «Гений языка» не сводим, по Гаманну, ни к грамматике, ни к красноречию, но охватывает от орфографии до шедевров поэзии и философии. Отношение языка и мышления, языка и разума представляется ему основанным на генеалогическом приоритете языка перед рациональным познанием. Язык есть главная гносеологическая среда и главный источник заблуждений. В целом философские воззрения Гаманна следует рассматривать на фоне его религиозно-символического воззрения на язык как таинственный мост между божественным и бесконечно далеким от него человеческим. Язык есть *communicatio idiomatum* духовного и материального, посредник между созерцанием и понятием, звуком и мыслью, субъектом и внешним миром, между индивидуальным и совокупным духом. Религиозный контекст, в котором Гаманн рассуждает о языке, приводит его к пониманию языка как статичного, подчиненного феномена.

Таким образом, в диссертации были выявлены основные особенности и положения лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна. Основным результатом работы является составление «портрета ученого» на основе принципов нарративной историографии, обоснованной в работах П. Шмиттера и О.А. Радченко.

Перспективой дальнейшего исследования можно считать изучение проекций теоретической концепции Гаманна в современной философии языка, восстановление немецкого интеллектуального дискурса XVIII века по предложенной в диссертации модели.

Нарративное исследование творчества лингвофилософов прошлого представляется актуальной задачей современной лингвоисториографии, открывающее перспективу более «персонального» взгляда на научные события прошлого и в то же время подкрепляющее фундамент нового объективизма в теории языка.

Основные научные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Аликаева Л.С. Философия языка в творчестве Й.Г. Гаманна // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета: научный журнал. – Пятигорск, 2009. № 3. – С. 6-11 (0.8 п.л.).

2. Аликаева Л.С. Эпистолярный и публицистический стиль Й.Г. Гаманна и проблема его интерпретации // Филология и человек: научный журнал. – Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2009. – № 4. – С. 120-127 (0.3 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Критическая биографическая литература о Й.Г. Гаманне // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Спецвыпуск 2. [Текст] : Р.С. Аликаев, Л.С. Аликаева. – М.-Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2008. – 170 с. – С. 4-33 (1.8 п.л.).

4. Гаманн в современной лингвистической историографии // Основные проблемы современного языкознания [Текст] : Л.С. Аликаева-Жужуева / Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). 30 сентября 2008 г., г. Астрахань / Сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – 230 с. – С. 137-144 (0.4 п.л.).

5. Язык и литература в лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна [Текст] : Л.С. Аликаева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 53 с. (3.25 п.л.).

6. К истокам лингвофилософии Й.Г. Гаманна [Текст]: Л.С. Аликаева. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 58 с. (3.25 п.л.).

М

В печать 11.11.2009. Тираж 100 экз. Заказ № 5889.
Полиграфический участок ИПЦ КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

